

ВЛАДИМИР ОСИПОВ

ТАК КТО ЖЕ ИЗ НАС “АНТИСОВЕТЧИК”?

АНДРОПОВ И ЖУРНАЛ “ВЕЧЕ”

1

На обложке книги Сергея Семанова “Председатель КГБ Юрий Андропов” приведены следующие слова: “Кто он – Юрий Андропов: государственный и патриот или агент враждебных сил?”.

Так кто же он?

В своем исследовании С. Н. Семанов, историк и видный деятель “Русской партии” 60–80-х годов, обращает внимание на целый ряд загадок в биографии персонажа. Ничего не известно о его родителях. Нет достоверных сведений о национальности, хотя зрительно она очевидна. “Очень рано, не получив образования или специальности, ушел из дома на заработки” (Семанов С. Председатель КГБ Юрий Андропов. Москва, “Алгоритм”, 2008, стр. 19). Ушел из дома отчима, ибо родные отец и мать рано скончались. 20-летний Юрий пересек всю страну (он жил на крошечной станции Нагутская в районе Минеральных Вод) и осел на севере, в далеком от Ставрополя Рыбинске, где поступил в техникум водного транспорта и окончил его. Другого образования, кроме среднего речного, он больше не получал. Да и в техникум (шла весна 1932 г.) будущий генсек поступил по путевке Моздокского райкома комсомола. Ему как проверенному комсомольцу дали общежитие и стипендию. Окончив техникум, он был направлен на Рыбинскую судостроительную верфь, но “молодой специалист под днищем строившихся судов не корпел, а сразу стал освобожденным секретарем комсомольской организации”. (Семанов, стр. 20). И так – до конца жизни – он только руководил, состоя в номенклатуре ВКП(б) – КПСС.

После “войны с бело-финнами” Сталин решил создать Карело-Финскую АССР, где финном был только главный партруководитель (и возможный мажор) Отто Куусинен, а вот во главе комсомола поставили Юрия Андропова.

Чем занимался Андропов во время войны, не известно. Аппарат Куусинена находился в глубоком тылу. Быть может, Ю. В. партизанил, но документов по этому поводу нет. В июне 1944 г. советские войска освободили Петрозаводск. Вслед за Куусиненом в столицу Карело-Финской АССР вернулся и Андропов. Он становится секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 г. – вторым секретарем партийного комитета республики. Семанов пишет: “После смерти патриотического деятеля партии А. Жданова его соперники Л. Берия, Г. Маленков и Н. Хрущев смогли опорочить в глазах сильно одряхлевшего И. Сталина ждановских соратников... Дело завершилось казнями ря-

да крупных деятелей и массовыми чистками. Именно тогда было выметено из окружения Сталина русско-патриотическое крыло” (Семанов, стр. 29). Нашли патриота-государственника и в Петрозаводске, где первым секретарем был с 1938 г. Геннадий Николаевич Куприянов, направленный из Ленинграда по рекомендации А. А. Жданова. На состоявшемся погромном пленуме ЦК Карело-Финской АССР в январе 1950 г. Андропов дал “посадочные показания” на своего шефа, друга и соратника. Куприянов был арестован и получил 25 лет. А отрекшийся от него “верный ленинец” весной 1953 г. переводится в Москву, в МИД.

Затем Андропов стал послом СССР в Венгрии и сыграл решающую роль в подавлении мятежа 1956 года. Через год после подавления “контрреволюции” Андропов возвращается в аппарат ЦК и становится заведующим отделом, который курировал все социалистические страны. На XXII (втором антисталинском) съезде КПСС его избирают членом ЦК. В ноябре 1962 г. Андропов уже секретарь ЦК КПСС. Он подбирает вокруг себя лиц, настроенных оппозиционно к существующему режиму. “Во-первых, все они, — отмечает Семанов, — были скрытыми сторонниками **ПРОЗАПАДНОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ**. Не случайно они стали позже “прорабами перестройки”. И все они были, так сказать, лицами “еврейского происхождения” (Семанов, стр. 51). От Хрущева это скрывалось, поскольку тот не любил ни евреев, ни либералов. Андропов благоволил к либерально-еврейскому журналу “Новый мир”, был в восторге от Ильфа и Петрова, помогал “гонимому” театру на Таганке во главе с Любимовым, поддерживал советских авангардистов, даже приобретал их “абстракционистские” полотна.

В 60-е годы Андропов тесно сотрудничал, по данным Семанова, с Бовиным, Бурлацким, Александровым-Агентовым, Г. Арбатовым, Цукановым. “... Все они были сторонниками “разрядки”, интернационалистами и противниками исторического своеобразия России, ориентированными на Запад и, в конечном счете, на те отношения, которые по-старому именуются **КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ**” (Семанов, стр. 57–58). Да, именно так, секретарь ЦК КПСС Андропов выпестовал и окружил себя западенцами и скрытыми носителями **БУРЖУАЗНОЙ** идеологии.

19 мая 1967 г. Андропов сменил В. Е. Семичастного (который помог Брежневу свергнуть Хрущева) на посту Председателя КГБ, и уже 17 июля 1967 г. по предложению Юрия Владимировича было создано новое, так называемое пятое, “идеологическое”, Управление КГБ, которое должно было бороться с антисоветскими подпольными группами и пресекать “оживление реакционной деятельности **ЦЕРКОВНИКОВ** и сектантов” (Семанов, с. 83). Борьбой с Русской Православной Церковью рьяно занимался Хрущев. Брежнев притупил антиправославную направленность репрессий. И вот Андропов на посту Председателя КГБ решил продолжить хрущевскую линию: ведь “церковники” — это не какие-то там подпольщики и боевики, это — представители **ЛЕГАЛЬНО** существующей Православной Церкви.

Либерал-рыночник Г. Арбатов свидетельствует, что Андропов уже в 1977 г. присмотрел М. С. Горбачева, как человека, с которым “действительно можно связать надежды на будущее” (Семанов, с. 142). А через год внезапно умирает 60-летний секретарь ЦК по сельскому хозяйству Ф. Д. Кулаков. Ни охраны, ни врача вблизи умершего не оказалось... Должность Кулакова при содействии Андропова занимает Горбачев. Меняет Ставрополь на Москву. Это был Тулон пятнистого Наполеона. Горбачев к тому времени уже проявил себя как верный соглядатай и осведомитель Андропова. Вместе они подсиживали стареющего Брежнева. Помощник Горбачева В. И. Болдин вспоминает: “После Пленума ЦК, избравшего Андропова генсеком, М. С. Горбачев ходил веселый и торжественный, как будто избрали его. А вечером... не удержался и сказал: “Ведь мы с Юрием Владимировичем старые друзья, семьями дружим. У нас было много доверительных разговоров, и **НАШИ ПОЗИЦИИ СОВПАДАЮТ**” (Семанов, стр. 344).

Антипатия к “русофилам”, видимо, с самого начала объединяла Андропова и Горбачева. И на посту председателя КГБ, и тем более на посту Генсека Андропов проявил себя как лютей враг русофильства. Если еврейских либералов и даже полудиссидентов (Э. Неизвестный, Евтушенко, Любимов) он опекал и всячески им содействовал, то к малейшим проявлениям русского национального самосознания относился резко отрицательно. Ведь он прекрасно

знал, что деятели “Молодой гвардии” Лобанов, Чалмаев, Семанов негативно относились к “искусству буржуазного благополучия”, к капитализму западного образца. И точно так же Андропов прекрасно знал, что “молодогвардейцы” – все сплошь государственники. Но именно антибуржуазные и государственноческие взгляды были чужды (если не враждебны) Андропову. Внутренне он, видимо, тяготел к антихристовой глобализации и нигилизму. Но не успел претворить в жизнь свои замыслы.

Однако успел существенно поменять партийные и советские кадры. Исследователь Ю. Изюмов в очерке “Кадры Андропова” (“Досье” № 5) отмечает, что в роскошном юбилейном томе, выпущенном к 70-летию Горбачева (и, очевидно, с его благословения), помещена иллюстрация, где в центре – Горбачев, а вокруг его ближайшие клеветы: А. Яковлев, А. Черняев, В. Загладин, В. Медведев, Г. Шахназаров, Е. Лигачев, Э. Шеварднадзе, И. Фролов. “Их объединяет не только близость к Горбачеву, – пишет Ю. Изюмов. – Все они – кадры Андропова”. При этом старейших членов безбожного конклава Андропов приблизил к себе, когда после работы послом в Венгрии возглавил отдел соцстран ЦК КПСС. Получив в 1962 г. статус секретаря ЦК КПСС, он ввел институт консультантов... Через эти должности попали в главный руководящий орган страны Георгий Арбатов, Александр Бовин, Федор Бурлацкий и другие будущие “архитекторы перестройки”.

Став председателем КГБ в 1967 г., Андропов “начинает с удивившей многих быстротой продвигать по службе Олега Калугина. Уже в 39 лет тот стал начальником Управления внешней контрразведки и проработал на этой должности с 1973 по 1980 год”, – свидетельствует Ю. Изюмов. Андропов получал сигналы о серьезных провалах в работе О. Калугина, но продолжал ему покровительствовать. “Даже после получения достоверной информации о том, что Калугин был завербован ЦРУ еще в конце 50-х годов во время стажировки в Колумбийском университете, Андропов не дал его в обиду. Предатель был назначен первым заместителем начальника Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области”. Стажировку в США Калугин проходил по первой программе студенческого обмена. Таким же стажером был и Александр Яковлев, попавший в 34 года из аппарата ЦК в “студенты”. “Как и Калугина, – отмечает Изюмов, – Яковлева завербовали тогда сотрудники ЦРУ”. Мировая закулиса продвигала свою агентуру на высшие посты в СССР и рекомендовала им быть пламенными борцами за коммунизм. В августе 1968 г. Яковлеву поручили идеологическое обеспечение ввода советских войск в Чехословакию. Хамелеон сделал это с таким блеском, что заработал орден Октябрьской Революции.

Как член Политбюро ЦК КПСС, Андропов содействовал, по данным Изюмова, выдвижению вверх таких фигур, как Горбачев (с юности, как он уверял позже, считавший себя врагом Советской власти), Шеварднадзе и Алиев. Последний сам напомнил, что именно Андропов настоял на его первом большом назначении, вопреки твердому правилу иметь во главе республиканских КГБ русских: “Он покончил с дискриминацией азербайджанцев”. Впоследствии этот деятель молодецки плюнул в КПСС, выбросил партбилет, стал лакеем США и НАТО, проводил явно недружественную политику в отношении России.

Шеварднадзе с удовольствием вспоминает три десятилетия знакомства с Горбачевым, в итоге которых они “уже не таили друг от друга своих взглядов”. Шеварднадзе помог Горбачеву осуществить фантастическое разоружение Советского Союза, подарить американцам с благословения Генсека континентальный шельф Берингова моря и сделал много другого во вред России. Недаром, выступая по тбилисскому телевидению и оправдываясь перед своими шовинистами, Эдуард Амвросиевич лепетал: “Я помог разрушить Российскую империю”.

Ю. Изюмов называет еще одного единомышленника Андропова – Егора Лигачева. Андропов взял его из Томска в ЦК КПСС на ключевую должность заведующего отделом организационно-партийной работы, в ведении которого были все партийные, советские и хозяйственные кадры. Сам Лигачев отмечает, что в тогдашнем составе Политбюро ЦК КПСС был человек – Горбачев, который не только предложил Андропову его кандидатуру, но и активно способствовал его переводу в Москву. “С тех пор, – вспоминает Лигачев, – мы неизменно и дружески общались...” И еще: “Мне стало ясно, что Горбачев пользуется **ДОВЕРИЕМ** Андропова”.

Ю. Изюмов пишет: “Заняв новый пост, Лигачев с неукротимым рвением взялся за **РАЗРУШЕНИЕ КАДРОВОГО КОРПУСА** партии. Под видом “обновления”, “омоложения” была произведена полная его ревизия, надежные, закаленные люди с огромным политическим опытом были заменены новобранцами андроповского призыва. В книге “Предостережение” Лигачев приводит лестную для него оценку этой своей деятельности зарубежным политологом. “Первостепенной задачей Лигачева было осуществление **“РЕВОЛЮЦИИ АНДРОПОВА”** среди руководства областных и краевых партийных организаций. К концу 1983 г. было **СМЕНЕНО** около 20% первых секретарей обкомов партии, 22% членов Совета Министров, а также значительное число высшего руководства аппарата ЦК (заведующие и заместители заведующих отделами). Эти перестановки упрочили возможности нововведений Андропова”. Лигачеву он сказал: “Да, вы для нас настоящая находка!” и повысил его до секретаря ЦК.

9 ноября 1991 г. газета “Советская Россия” публикует следующее заявление Е. Лигачева: он “... вовсе не является противником реформ, решительно выступает против сталинизма и искренне надеется на успешное осуществление программы экономических преобразований (то есть начавшейся бандитской приватизации. — **В. О.**), взятой на вооружение российским руководством”. И далее: “Я желаю успеха российскому Президенту в осуществлении этих реформ...” Лигачев выступал с лекцией в Гарримановском институте перспективного изучения Советского Союза при Колумбийском университете в Нью-Йорке.

Изюмов называет для примера три имени, трех лиц, взятых по протекции Лигачева в аппарат ЦК. Это Вадим Медведев, ставший заведующим отделом науки и вузов и позднее — правая рука Горбачева “в идеологическом и организационном разоружении КПСС”. Это — новый инспектор ЦК Вадим Бакатин, до сих пор не осужденный за передачу ЦРУ секретной прослушки американского посольства в Москве и за другие антигосударственные деяния. И Борис Ельцин. Лигачев вспоминает: “В конце декабря 1983 г. позвонил мне из больницы Юрий Владимирович Андропов и попросил при случае побывать в Свердловске и “посмотреть” на Ельцина”. Совершенно ясно, что Андропов по данным своей агентуры в КГБ уже обладал сведениями о Ельцине, и тот его заинтересовал своей антигосударственной (и антикоммунистической) сущностью. В. В. Гришин считает, что “в КГБ велось досье на каждого из нас, членов, кандидатов в члены Политбюро ЦК, других руководящих работников в центре и на местах”, и приводит одно знаковое высказывание Брежнева: “... на каждого из вас у меня есть материалы”. “С помощью техники КГБ знал все, что говорилось на квартирах и дачах членов руководства партии и правительства” (“Досье” № 5).

Получив задание Андропова, Лигачев его послушно выполнил: уже в январе 1984 г. посетил Свердловск, принял участие в областной партконференции, познакомился ближе с Борисом Николаевичем. В результате с помощью Лигачева Ельцин был взят на работу в ЦК КПСС.

Однако в отделе оргпартработы ЦК о Ельцине были совсем другого мнения. “Там знали о его диких многодневных кутежах и оргиях в “охотничьих домиках”, грубости, бескультуре”. Нет сомнения, что обо всем этом знал и всеведущий чекист Андропов. Но Юрия Владимировича свердловский алкаш привлек, видимо, другими сторонами своей природы, теми, что позднее так порадовали мировую закулису и вашингтонский обком. “Николай Александрович Петровичев, руководивший отделом до Лигачева, считал, что Ельцина не выдвигать надо, а гнать из партии поганой метлой. Но Андропов послушал не его, а Лигачева. Петровичева же убрали из ЦК”.

В заключение своего досье Изюмов итожит: “В последующие годы Лигачев устроил настоящий погром партийных и советских кадров. Оценивая его деятельность, В. В. Гришин писал, что никто не нанес партии столько вреда, сколько Лигачев. А Александр Яковлев, тот просто торжествовал: по его словам, к 1991 году главный антикоммунистический и антисоветский центр находился в ЦК КПСС”.

Кто же главный вдохновитель и организатор этого, по словам А. Н. Яковлева, “главного антикоммунистического и антисоветского центра в ЦК КПСС”? Юрий Владимирович Андропов.

Писатель и очевидец общественной атмосферы эпохи Брежнева Александр Байгушев в своей книге “Русская партия внутри КПСС” (Москва,

2005 г.) свидетельствует: “Именно сомнительному Калугину Андропов доверил проверять все КГБ, то есть собственноручно вручил тому получить полную информацию о КГБ” (Б а й г у ш е в, стр. 292). И далее: “Единственно, чем лично занимался Андропов-Файнштейн, это печально знаменитой “Пяткой” (то есть Пятым, “идеологическим” Управлением КГБ, преследуя в основном русских почвенников. — В. О.). А остальных проверял на надежность Калугин (осужденный заочно Мосгорсудом в июне 2003 г. к 15 годам лишения свободы за государственную измену). Выходит, сам Андропов своими руками практически сдал КГБ противнику. Оттого он и не сработал, когда советская власть зашаталась. “Опору Андропов из-под КГБ выбил” (там же, стр. 295). Байгушев также с горечью пишет о Лигачеве: “Но мало кто знает, что и наш показательно русский Егор Кузьмич Лигачев — тоже кадр Андропова” (стр. 383). И далее: “Немногие знают, что Черненко “разглядел” Горбачева и хотел его убрать. Во всяком случае, Черненко уже поручил “своим людям” присмотреться к “опасным связям” Меченого с Яковлевым и Западом. Горбачев завис. Достаточно было соответствующей раскрутки одного факта, что он, будучи секретарем по сельскому хозяйству, вдруг привез в Лондон и показывал противнику (Маргарет Тэтчер. — В. О.) секретную военную карту, чтобы на карьере авантюриста был поставлен жирный крест. Но Горбачева буквально спас наш русский “тюфяк” Е. К. Лигачев... Как свидетельствует тот же Болдин, “именно Лигачев по просьбе Михаила Сергеевича провел переговоры с генсеком Черненко, стараясь убедить его в личной верности Горбачева”. Только это спасло Горбачева. Черненко снаивничал, поддался на уговоры и почти тут же сыграл в ящик” (Б а й г у ш е в, стр. 396). По мнению первого помощника Черненко Виктора Васильевича Прибыткова, Черненко был отравлен лично тогдашним председателем КГБ Федорчуком, угостившим в Крыму “Костю” отловленной копченой рыбой. Значит, Федорчук под руководством Чебрикова уже работал на Горбачева.

У многих очевидцев вызывает вопросы и смерть Брежнева. Осенью 1982 г. Леонид Ильич подбирал преемника. Он хотел сделать Генеральным секретарем ЦК КПСС 64-летнего украинского руководителя Владимира Васильевича Щербицкого. На ноябрь намечался Пленум ЦК, на котором Брежнев собирался утвердить Щербицкого в должности генсека, а самому перейти на новообразованную должность Председателя партии. 7 ноября 1982 г. Брежнев, как всегда, стоял на трибуне Мавзолея. 8-го отдыхал в Завидове, даже участвовал в охоте. 9 ноября отдохнувший генсек прибыл на работу в Кремль, куда заранее был вызван на беседу Андропов. Подготовка к предстоящему Пленуму была в тот момент главной задачей. Андропов после смерти Суслова (25 января 1982 г.) стал вторым человеком в партии. А 19 января 1982 г. застрелился Цвигун, заместитель Андропова и главный согладатай Брежнева за Юрием Владимировичем. Без Цвигуна в КГБ и без Суслова в Политбюро Андропов почувствовал себя совершенно свободным человеком. К тому же моральный потенциал Брежнева был подорван поведением его дочери Галины: КГБ вело следствие по уголовному делу ее “личного друга”. Как пишет неизвестный А. Н. Яковлев, “Андропов буквально в считанные недели становится хозяином в Политбюро” (“Аргументы и факты”, № 19, 2000). И вот в такой обстановке 9 ноября 1982 г. в рабочем кабинете Брежнева состоялась длительная беседа генсека с Андроповым. Конечно, они обсуждали кандидатуру нового вождя. “Так или иначе, но днем 9 ноября Андропов стал, похоже, единственным обладателем какой-то важной информации о ближайших планах Брежнева” (Л е г о с т а е в В а л е р и й. “Как умер Брежнев?”) Вечером того же дня, вернувшись с работы на дачу в Заречье, генсек “впервые пожаловался на боль в горле”. А утром 10 ноября охрана обнаружила Леонида Ильича мертвым. В считанные десятки минут в спальне умершего правителя оказались главный кремлевский врач Чазов и... Ю. В. Андропов. Кажется, прихватил оттуда с собой и ядерный чемоданчик, хотя генсеком еще не стал.

Таким образом, Щербицкому начальником страны стать не удалось. Как отмечает Рой Медведев, “именно Горбачев стал главным советником Андропова по кадровым вопросам”. Горбачев “рекомендовал перевести на работу в ЦК КПСС Николая Рыжкова и Егора Лигачева. По совету Горбачева были назначены заведовать отделами в ЦК КПСС В. Медведев и Н. Кручина. С другой стороны, Андропов существенно расширил круг обязанностей Горбачева”. Рой Медведев перечисляет ступени, по которым, с благословения Андропова,

быстро поднимается вверх Горбачев. На протяжении **ОДНОГО** года – 1983-го. “По поручению Андропова Горбачев сделал в апреле 1983 г. доклад о Ленине на торжественном заседании в Кремлевском дворце съездов. Это был важный сигнал для партаппарата. Одно из заседаний июньского Пленума ЦК КПСС, также по поручению Андропова, вел Горбачев. Отчетно-выборная кампания в КПСС осенью 1983 года проходила также под руководством Горбачева. Оказавшись в больнице, Андропов попытался еще более увеличить полномочия Горбачева. Андропов настаивал на том, чтобы именно Горбачев выступил на итоговом зимнем Пленуме ЦК КПСС с **ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ** речью. Узнав об этом, премьер Николай Тихонов также выступил, с одобрения Андропова, **ЕЩЕ С ОДНОЙ** “заключительной речью”. Далее приводится свидетельство бывшего помощника Андропова Аркадия Вольского: в декабре 1983 г. (то есть за полтора месяца до собственной смерти. – **В. О.**) перед пленумом Юрий Владимирович вписал в тезисы своего доклада, оказавшегося последним, два пункта. Первый – “Об ответственности членов ЦК перед народом”. Второй пункт звучал так: “Товарищи, члены ЦК КПСС, по известным вам причинам я не могу в данный период принимать активное участие в руководстве Политбюро и Секретариатом ЦК КПСС. Считал бы необходимым быть перед вами честным: этот период может затянуться. В связи с этим просил бы Пленум рассмотреть вопрос и поручить Политбюро и Секретариату ЦК КПСС товарищу Горбачеву Михаилу Сергеевичу” (“Московские новости”, № 43, 1–8 ноября 1998). Правда, этот абзац был выброшен из текста Андропова по решению Черненко, Тихонова и Устинова. И никто не узнал о желании Андропова видеть своим преемником скрытого антикоммуниста Горбачева. Есть еще одно показание, приводимое Дмитрием Макаровым: “Когда Андропов был уже при смерти, он хотел собрать заседание Политбюро прямо в своей больничной палате, чтобы Горбачева избрали Генсеком прямо тут же, при нем” (“Аргументы и факты”, № 25, 1999). На врачей, правда, “надавили” противники Горбачева, те заверили Андропова, что он еще долго будет жить, и Андропов больничные выборы отменил. Но жгучее желание сделать своим преемником именно Горбачева Юрий Владимирович имел.

Историк О. А. Платонов в книге “Русское сопротивление” (Москва, “Алгоритм”, 2006 г.) пишет: “Начиная с 60-х годов, американское правительство выделяет сотни миллионов долларов на поддержку агентов влияния и подкуп государственных деятелей по всему миру. Инициатор этой политики, глава масонско-еврейской ложи “Бнай-Брит” Г. Киссинджер в своем кругу неоднократно говорил, что “гораздо выгоднее заплатить предателям, чем тратить деньги на сложные дипломатические игры и военные операции”. По данным Платонова, “обработка директора вновь созданного Института США Г. Арбатова началась с подачи Г. Киссинджера” (Платонов О., указ. соч., стр. 135). Там же Платонов отмечает: “Институт США был сформирован по предложению Андропова, он же предложил на пост директора этого института своего бывшего сотрудника по ЦК КПСС Арбатова. С тех пор Андропов был своего рода “крышей” для всех тайных операций против России, которые проводились в стенах этого института” (там же, стр. 135). Государственный секретарь США М. Шульман признавал, что “вторая русская революция”, или разрушение СССР, “стала возможна благодаря таким людям, как Г. Арбатов. Они работали на разрушение системы. И преуспели в этом больше, чем Сахаров и другие диссиденты” (там же, с. 135). В частности, Арбатов и Кокошин сыграли огромную роль в деле одностороннего разоружения нашей страны. В итоге созданный Андроповым Институт США превратился, по словам Платонова, “в кузницу не только агентов влияния США, но и прямых шпионов этой страны”. Юрий Владимирович, подбирая кадры, смотрел далеко вперед. . .

Александр Петрович Шевякин в своем важном исследовании “17 тайн Лубянки” (Москва, 2007 г.) отмечает, что в истории КГБ СССР прослеживаются **ДВА ЛАГЕРЯ**: “один – советский, патриотический, другой – прозападный, предательский”. И далее автор довольно жестко добавляет: “. . . Среди наших защитников есть такие герои, что нет награды, которыми их можно осыпать, а есть такие подонки, что нет такой сверхмучительной смертной казни, которой их можно было бы подвергнуть, чтобы хоть как-то компенсировать то зло, что они причинили” (Шевякин А., указ. соч., стр. 13).

Об Андропове Шевякин пишет так: “Именно Андропов должен войти в историю как самый выдающийся советский политик, которому удалось, в конце

концов, создать обойму людей, которые сокрушат потом Советский Союз и социалистический блок, заложить под нас столько “мин замедленного действия”, что и не сосчитать. М. С. Горбачев, по сути, мальчик во всем этом деле, который только по готовым нотам отработал свою роль, что для него была расписана заранее” (Ш е в я к и н, стр. 97).

2

Теперь о журнале “ВЕЧЕ”. В современном вузовском учебнике истории говорится: “Важным событием в русском либерально-патриотическом движении стало появление журнала “Вече”, который тоже был своеобразным ответом на диссидентские либеральные и национальные издания. Инициатором издания стал В. Н. Осипов, отсидевший 7 лет на строгом лагерном режиме за организацию “антисоветских сборищ” на площади Маяковского в Москве в 1960–1961 гг. и поселившийся в 1970 г. в Александрове. Журнал задумывался как **ЛОЯЛЬНЫЙ** по отношению к власти (на обложке значились фамилия и адрес редактора)” (Б а р с е н к о в А. С., В д о в и н А. И. История России. 1917–2007, издание второе, Москва, 2008 г., стр. 562).

30 апреля 1974 г. председатель КГБ Ю. В. Андропов распорядился (указание № 155001) возбудить уголовное дело по факту издания “антисоветского” журнала “Вече”. Это он сам лично определил, что журнал “антисоветский”. Хотя за время издания с января 1971 г. по март 1974 г. ни в одном из вышедших 9 номеров не было ни одной статьи не только с критикой советского строя, но вообще не было ни одного материала политической тематики. Впрочем, была одна статья – о 50-летию СССР, но и та была скорее панегириком существующему строю, нежели “антисоветчиной”. Андроповские чекисты уже не читали материалы: раз напечатано в недозволенном журнале, значит – криминал. Да если бы хоть в одном номере был “антисов” (а журнал издавался 3 года и лекторы от КГБ не скрывали, что им известно об этом издании), я был бы немедленно арестован или, как минимум, допрошен органами КГБ. Однако за 3 года Комитет государственной безопасности **НИ РАЗУ** не вызвал меня и не допросил. Видимо, не знали, как им быть: политическая тематика отсутствует, а руки чешутся прихлопнуть “реакционное славянофильство”.

В “Вече” публиковались материалы о Православии, о Русской Православной Церкви, о Хомякове, Киреевском, Константине Леонтьеве, Достоевском, других национально ориентированных мыслителях, о русской истории (например, о замечательном полководце М. Д. Скобелеве), о памятниках истории и культуры, даже о музыке (например, о творчестве Шостаковича), но нигде, никогда, ни единым словом издатель и редактор “Вече” В. Н. Осипов не касался политики КПСС и Советского государства. И тогда следователи просто шли на подлог и фальсификацию. Скажем, мне инкриминируется статья А. М. Иванова “Суд скорый и неправый”, в которой автор защищает советский журнал “Молодая гвардия” (орган ЦК ВЛКСМ) от обличений французских журналистов, окопавшихся в некоем социал-демократическом, “меньшевицком” издании. Разумеется, парижские нигилисты поносят “Молодую гвардию” за “реакционное” славянофильство и русский патриотизм. Так вот, андроповский КГБ оказался на стороне французских меньшевиков и “еврокоммунистов” (которые столь же усердно осуждали ввод советских войск в Чехословакию и высылку Сахарова из Москвы в Горький), а не на стороне отечественного патриотического журнала. Госбезопасность осуждала государственников, блокируясь с антисоветски настроенными космополитами. И так во всем. Хороши защитники государства!

В большой статье М. Антонова “Учение славянофилов – высший взлет народного самосознания в России в доленинский период” (Антонов, увы, был православным большевиком, но творчество Хомякова и Киреевского излагал объективно) был один абзац, так сказать, лирическое отступление автора: “Октябрьская революция, несмотря на свои эксцессы, была большим благом для России, ибо спасла нас от буржуазного маразма”. Я с этим взглядом не согласен, но подвергать цензуре статью Антонова не стал. Казалось бы, чекисты должны быть довольны такой фразой. Нет, КГБ инкриминировал мне упоминание об “эксцессах”. У следователей не нашлось даже чувства благородства. Ведь что такое “эксцессы” на фоне “спасения” России от буржуазно-

го маразма?! Мелочь, о которой позорно говорить. Автор славит Октябрьскую революцию, да еще как! А мне за это антоновское словечко “эксцессы” приписали клевету на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Так фабриковали “криминал”. Шеф приказал – надо выложиться.

Геннадий Михайлович Шиманов в открытом письме Струве, подобно Антонову, славит Октябрьскую революцию. Мне инкриминируют “хранение” “антисоветского” письма Шиманова!

Я опирался на русских патриотов, которые, любя русский народ и историческую Россию, либо не углублялись далее в своих взглядах (то есть в сторону монархии или Православия), или даже сочетали русскость с просоветскими взглядами. Желая объединить всех во имя русской идеи, я тем более не хотел настаивать (и не настаивал) на своих монархических убеждениях. Как редактор “Вече”, я стоял на четкой объединительной общерусской платформе и был одинаков в общении как с “антисоветчиками”, так и с людьми, одобряющими в целом советский режим. Я искренне желал единства и сплочения всех разрозненных сил в нечто целое. Готов был поучаствовать в формировании общей для всех национально-патриотической идеологии. Даже Солженицын упрекнул меня в том, что я вроде бы решился прислониться к силе, то есть к советской власти. Кстати, никто из свидетелей (за исключением, быть может, некоего Дьяконова) не показывал на следствии и в суде о моих “антисоветских” взглядах, ибо я таковых никому не высказывал. Не считал нужным, издавая патриотический и сознательно аполитичный православный журнал “Вече”, даже в устной форме обличать существующий строй. Я говорил лишь, что стране нужна другая идеология, национально-патриотическая, но политику КПСС и Советского государства я не трогал.

В начале марта 1974 г. в редакции журнала “Вече” произошел конфликт, в результате которого мне пришлось объявить о прекращении издания журнала “Вече”. И вот – удивительное совпадение: едва я 7 марта “закрыл” “Вече”, как 1 апреля в Ленинграде органы КГБ производят обыски у моих соратников Г. Н. Бочеварова, В. Е. Конкина и П. М. Горячева. Последний за небольшую плату печатал журнал, переплетал его и рассылал по адресам подписчикам. У Горячева забрали все экземпляры “Вече”, которые он не успел разослать.

11 мая Управлением КГБ по Ленинградской области из начатого ими уголовного дела № 15 было выделено “уголовное дело в части распространения клеветнической литературы, содержащей заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, – Осиповым В. Н., Горячевым П. М., Бочеваровым Г. Н., Конкиным В. Е.” (Дело № 38. Том 2, л. д. 3).

15 мая начальник следственной группы УКГБ при СМ СССР по Владимирской области подполковник Евсеев постановил: уголовное дело принять к производству. Сразу же стали вызывать свидетелей во Владимир. Меня пока не трогали.

Впрочем, моя почта была арестована (по постановлению прокурора), но я, конечно, об этом не знал. Однако, несмотря на арест почты, “проскочило” письмо из Германии: организация “Эмнести интернейшнл” (по просьбе православного диссидента Левитина-Краснова, осенью 1974 года выехавшего за границу) приглашала меня и мою семью в Германию на постоянное жительство. Обычно советским инакомыслящим предлагалось выехать за рубеж через Израиль. И те охотно выезжали. Обо мне было известно, что я через Израиль точно не поеду. Потому и выслали бумагу из ФРГ. Но и в Германию я ехать не желал, даже перед лицом очевидного ареста и нового срока. Я объявил, что за границу не поеду и готов принять следственно-судебный поединок с советской системой. П. М. Горячев тоже получил такое приглашение (против него тоже было заведено уголовное дело), и 13 октября 1974 г. Петр Максимович благополучно покинул СССР. Видимо, Андропов не хотел меня сажать (он-то понимал, что даже по советским законам в моей деятельности нет “криминала”, нет никакой антисоветской агитации и пропаганды). Юрию Владимировичу было бы куда удобнее, чтобы патриот, обличавший меркантильный Запад, туда сбежал. Дескать, вот притвора. Но не получилось.

При аресте 28 ноября 1974 года я заявил чекистам Евсееву и Плешкову: “От дачи показаний я отказываюсь, так как никакой антисоветской агитацией и пропагандой **НЕ** занимался!” (т. 2, л. д. 24). Практически за все время следствия я не дал никаких показаний и не подписал ни одного протокола.

Следователь Плешков писал вместо меня: “От подписи отказался”. Двенадцать дней я держал голодовку в знак протеста против необоснованного ареста.

8 декабря 1974 г., при предъявлении мне обвинения в совершении преступления, предусмотренного ст. 70, ч. 2 УК РСФСР (“Антисоветская агитация и пропаганда”), я заявил: “В предъявленном обвинении виновным себя не признаю. Враждебного отношения к существующему у нас строю у меня нет и не было. Действительно, в 1962 г. я был осужден Московским городским судом по ст. 70, ч. 1 и 72 УК РСФСР к 7 годам лишения свободы (т. 2, л. д. 63). Но, как считаю, тогда меня осудили необоснованно. Практически все то, в чем я мог быть обвинен, заключалось в двух беседах с моими друзьями летом в июле 1961 г. В этих беседах я подверг критике некоторые аспекты внешней и внутренней политики тогдашнего Председателя Совета Министров СССР Хрущева... Кроме того, я одобрительно высказывался о рабочих советах в Югославии...”

Что касается конкретных пунктов обвинения, то могу пояснить следующее:

Я действительно издавал журнал “Вече” с января 1971 г. по декабрь 1973 г.

Абсолютно убежден, что ни в одном из девяти номеров “Вече” нет клеветнических измышлений.

Я подвергал журнал тщательной цензуре и отбрасывал любой абзац с подобными вещами. Лично я никогда не имел цели подрыва или ослабления советского строя.

Как православный христианин, послушный воле московского патриарха, и как патриот России я глубоко убежден в том, что Советское государство – это единственная политическая форма, при которой в настоящее время может существовать русский народ”. Тогда же, 8 декабря, я заявил: “Враждебные голоса на Западе постоянно обвиняли меня в антисемитизме, великорусском шовинизме, сталинских симпатиях. Я не помню ни одного доброго отзыва о журнале “Вече” от враждебных Советскому Союзу элементов” (т. 2, л. д. 65).

Я выражал ту позицию, с которой издавал журнал “Вече”. Что значит “имел враждебное отношение к существующему строю”? У красных тут какая-то религия шиворот-навыворот. Ну, при чем тут моя душа? Что вы лезете в душу? В душе я, может быть, и имел такое (отрицательное) отношение к коммунизму. Но нигде никогда так называемых “антисоветских взглядов” не высказывал. Раз уж свершилась преступная Февральская революция, бедствие на десятилетия вперед, был свергнут масонами Божий Помазанник и пролились реки крови, взывать к новой революции – теперь уже против советского режима в наиболее умеренной брежневской форме – было бы безумием и преступлением против России и русского народа. Наши надежды тогда были на мирное перерождение режима, особенно в связи с заменой еврейских революционеров русскими государственниками.

Но, увы, нашим упованиям противостоял Андропов и прозападный либерально-иудейский клан, на который он опирался. Он разгромил “Молодую гвардию” как русское легальное патриотическое течение и “обновил” партийно-государственные кадры теми, кого Александр Яковлев назовет антикоммунистическим и антисоветским центром в ЦК КПСС. В период ельцинизма эти кадры порушили все: промышленность, сельское хозяйство, оборону, науку, культуру, образование, медицину. Это было буквально Батыево нашествие. Нашествие, подготовленное кланом Андропова и его госбезопасностью (не всей, но космополитической частью ее).

Замечательный русский ученый-патриот А. С. Панарин писал: “...Постсоветский режим был создан не демократической оппозицией, не западничскими диссидентами, а самой правящей коммунистической номенклатурой, конвертировавшей старую власть в новую собственность”. И далее: “По некоторым данным, глобалисты из спецслужб получили в результате приватизации 1992 года около 65% всей бывшей государственной собственности” (Панарин А. С. Искушение глобализмом. Москва, 2000, стр. 45).

19 июня 1975 года, по окончании многомесячного изнурительного следствия, я заявил: “В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю... Я ручаюсь в том, что ни один из моих знакомых в период 1970–1974 годов не может засвидетельствовать враждебность моих устремлений. Однако, оказавшись на свободе (после отбытия первого срока, то есть после

5 октября 1968 г.), я был крайне огорчен упадком нравственности и влиянием космополитизма среди людей. Меня также огорчало то, что Русская Православная Церковь не имела возможности полемизировать с атеистами. Взявшись за издание журнала “Вече”, я руководствовался целями выработки славянофильской идеологии. Моим сокровенным желанием было расширить идеологическую базу советского государства, присовокупив к официальному марксизму идеи русского патриотизма” (т. 4, л. д. 143).

24 июня 1975 года на вопрос следователей Евсеева и Плешкова: “Имели ли Вы разрешение официальных органов на издание журналов “Вече” и “Земля”?”, я ответил: “Нет, не имел. Однако я и мои друзья были убеждены в том, что пользуемся молчаливой поддержкой или благожелательным невмешательством патриотических и антисоветски настроенных лиц из числа советского руководства. За четыре года моей деятельности меня официально никто не предупредил” (том 4, л. д. 179).

Суд состоялся во Владимире 24–26 сентября 1975 года (судья Колосов Н. Н., прокурор Дроздов П. М., адвокат Волкова Р. Ф.) в малом зале клуба имени Фрунзе. На суде я заявил следующее: “Я не имел и не имею враждебного отношения к Советскому Союзу, хотя и не согласен с некоторыми положениями официальной идеологии... Мне казалось и сейчас я думаю, что идеи русского патриотизма были бы полезным дополнением к нашей государственной идеологии. Это особенно актуально перед лицом нависающей угрозы со стороны маоистского Китая. Цели подрыва Советского строя я не имел и вообще никаких антисоветских целей перед собой не ставил. ... Журнал вообще не касался политических вопросов. Ни в одном из материалов “Вече” нет клеветнических измышлений, порочащих Советский государственный и политический строй, хотя и попадаются критические замечания в адрес отдельных должностных лиц (архитектор Посохин, например), а также замечания по поводу последствий невнимания к национальным традициям и устоям. Под каждым номером “Вече” стоит моя фамилия и адрес. ... Что касается основного в моей деятельности – издания русского патриотического журнала “Вече”, то я считаю эту деятельность **ПОЛЕЗНОЙ И ВАЖНОЙ** для развития чувства патриотизма, уважения к национальной культуре, проблемам национального самосознания” (т. 46, л. д. 39–42).

25 сентября в судебное заседание Владимирского областного суда явились вызванные свидетели:

Бочеваров Г. Н., Ильяков В. В., Хмелев Е. И., Добровольский А. А., Бородин Л. И., Овчинников И. В., Родионов В. С., Хайбулин Б. Х., Репников В. А., Зайцев В. В., Дьяконов С. М., Бажанов Б. В., Пирогов Ю. А., Поленов В. С., Рогачев М. П. Не явились Мельникова С. А., Родионова Г. И. (первая жена В. С. Родионова, не путать с его второй женой Надеждой Ивановой, честнейшим человеком и русским патриотом, трагически погибшей в 2001 году), Серый С. Ф., Боголюбов Г. А.

Подсудимый Осипов В. Н. на вопросы прокурора ответил: “Редакция журнала “Вече” состояла примерно из 10 человек, но они не были постоянными. Некоторые из авторов журнала “Вече” занимают определенное положение, и была договоренность, чтобы их имена не афишировать. Я не могу нарушить эту договоренность и называть их имена не желаю” (т. 46, л. д. 44).

“Журнал “Вече” я считаю легальным и патриотическим с христианским уклоном. На журнале ставилась моя фамилия и адрес. Фамилии других авторов не ставились, так как многие из них, как я уже говорил, занимали определенное положение, а некоторые были членами КПСС; чтобы не было неприятностей, подписи свои они не ставили” (т. 46, л. д. 45). “Никто никогда не предупреждал меня, чтобы я отказался от издания журнала “Вече”. Я категорически отрицаю умысел подрыва Советской власти” (т. 46, л. д. 46).

Свидетель Бочеваров Г. Н. заявил: “Считаю, что журнал “Вече” не содержал враждебных и антисоветских выпадов” (т. 46, л. д. 49).

Свидетель Иванов А. М.: “Журнал я считаю нужным и правильным. Считаю решение Осипова о закрытии журнала неправильным. ... Журнал “Вече” я не считаю антисоветским... Я считаю, что журнал “Вече” играл положительную роль” (т. 46, л. д. 51).

Свидетель Хмелев Е. И.: “Осипов неоднократно заявлял, что национально-патриотическая линия журнала “Вече”, редактором которого он являлся, пользуется поддержкой властей” (т. 46, л. д. 52).

Свидетель Рогачев М. П.: “Я не знал, что журнал антисоветский, мне было известно, что журнал “Вече” легальный журнал” (т. 46, л. д. 53).

Свидетель Овчинников И. В.: “Журнал “Вече” не считал антисоветским, считал его легальным и нужным... Я не видел ничего преступного в том, что Осипов издает журнал. Считал его легальным” (т. 46, л. д. 54).

Свидетель Родионов В. С.: “Я считаю, что журнал “Вече” был легальным, он не подлежит судебному разбирательству, так же и журнал “Земля”... Журналы не считаю антисоветскими” (т. 46, л. д. 56).

Свидетель Хайбулин Б. Х.: “Журнал “Вече” мне нравился, я считал его патриотическим и очень хотел, чтобы он выходил и сейчас” (т. 46, л. д. 57).

Свидетель Репников В. А.: “Я считал этот журнал легальным, и антисоветского ничего не было в журналах” (т. 46, л. д. 57).

Свидетель Дьяконов С. М. был единственным, помимо не явившейся в суд Родионовой Г. И., кто на предварительном следствии показал об “антисоветских взглядах” Осипова. Однако на суде он перечеркнул эти показания: “Мои показания на следствии в той части, что Осипов плохо отзывался о Советской власти, являются неправильными, и я их не подтверждаю” (т. 46, л. д. 59). “Журнал “Вече” я не считал антисоветским. Показания на следствии о том, что Осипов допускал антисоветские высказывания, я **ДАЛ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СЛЕДОВАТЕЛЯ**, впоследствии я был вынужден уехать из г. Калинина” (т. 46, л. д. 60).

Брежнев не дал права чекистам выколачивать пытками нужные показания, а то бы постарались. Нашли одного Дьяконова, психологически стали давить и выжали: о, как им была нужна “антисоветчина”! Иначе прокол в работе: человек издает неразрешенный властями рукописный (машинописный) журнал, а никто не дает показаний о его “антисоветских взглядах”! Все равно в приговор суда вошло то, что Дьяконов показал на предварительном следствии.

Свидетель Пирогов Ю. А.: “В беседах с Осиповым я от него не слышал антисоветских высказываний” (т. 46, л. д. 60).

Свидетель Поленов В. С.: “Журнал “Вече” я читал с удовольствием. Я никогда не замечал фактов, свидетельствующих о проведении Осиповым антисоветской деятельности. К существующему в нашей стране строю Осипов относился **ПОЛОЖИТЕЛЬНО**” (т. 46, л. д. 61).

26 сентября 1975 г. был допрошен последний свидетель Ильяков В. В., который заявил: “Осипов человек верующий, честный. В заключении он был авторитетным в области русской культуры... В журналах, с которыми я был знаком, ничего антисоветского не находил... Издавая журнал “Вече”, Осипов действовал во имя России, ее национальной культуры и достоинства. Никакой враждебности к Советскому строю у Осипова не было, **К СОВЕТСКОМУ СТРОЮ ОН ОТНОСИЛСЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНО**. Смена этого строя может привести к катастрофе” (т. 46, л. д. 62).

Итак, разные свидетели все в один голос подтверждают **ОТСУТСТВИЕ** в моей деятельности антисоветской агитации и пропаганды и даже отсутствие так называемых “антисоветских взглядов”. Однако Владимирскому областному суду, находившемуся под колпаком у лютого русофоба (и в сущности тайного антисоветчика) Андропова, все эти многочисленные показания в мою пользу были, как говорится, “до лампочки”. Суду было наплевать на все. Например, в деле есть приговор Архангельского областного суда от 22 мая 1974 г. в отношении Сергея Пирогова. К делу в отношении Пирогова приобщены журналы “Вече” как материал, характеризующий личность Пирогова, в вину же “хранение” “антисоветских журналов” Пирогову не инкриминировалось. Архангельский областной суд не посчитал журнал “Вече” антисоветским.

Я напомнил суду, что даже газета “Вашингтон пост” писала, что издатели и авторы журнала “Вече” презирают контакты с иностранцами, как несовместимые с предпочтением, которое они отдают всему русскому, о чем сообщила радиостанция “Свобода” 1 марта 1971 г. Я напомнил также, что в **ЭКСПЕРТИЗЕ** также нет того, что журнал “Вече” настроен враждебно к СССР, там указывается только, что есть **ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ИДЕОЛОГИИ**.

Тем не менее прокурор Дроздов П. М. заявил, что мои “деяния” по ст. 70, ч. 2 УК РСФСР квалифицированы правильно, моя вина в изготовлении, распространении и хранении документов “антисоветского содержания” доказана,

и потребовал приговорить меня к 8 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

Адвокат Волкова Р. Ф. сказала так: “Я считаю, что предъявленное обвинение подтверждено частично, не нашел подтверждения умысел на подрыв Советской власти (том 46, л. д. 63). Действия Осипова В. Н. прошу квалифицировать по ст. 190-1 УК РСФСР, так как считаю, что в его действиях есть клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй” (том 46, л. д. 63–64). С некоторой иронией она пояснила, что вот, дескать, “Осипов считает, что у нас в стране имеет место сильное пьянство, это, конечно, клевета...”

Привожу по архивным материалам **ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ОСИПОВА**: “Как я уже сказал на допросе в ходе судебного разбирательства, моя христианская и патриотическая деятельность по изданию **ЛЕГАЛЬНОГО, ПОЛИТИЧЕСКИ ЛОЯЛЬНОГО** машинописного журнала “Вече”, а позднее “Земля” не является преступной, а наоборот, **БЫЛА НЕОБХОДИМОЙ и ВАЖНОЙ** с точки зрения освещения проблем русской национальной культуры, русского самосознания. Как я уже сказал, по предъявленному мне обвинению **ВИНОВНЫМ СЕБЯ НЕ СЧИТАЮ**” (том 46, л. д. 64).

Позиция позицией, а у живого человека невольно в такой ситуации появляется злость. У меня в камере была газета с текстом Заключительного акта Совещания в Хельсинки, который только что подписал Брежнев и где говорилось о праве на инакомыслие и т. п. Мне так хотелось публично в суде демонстративно порвать эту газету с текстом Заключительного акта. Но, с Божьей помощью, этот позыв преодолел.

Владимирский областной суд приговорил меня к 8 годам лишения свободы в ИТК строгого режима. Срок этот я отбыл от звонка до звонка.

Владимирский областной суд полностью солидаризировался с андроповским Комитетом государственной безопасности. Так же, как и Комитету, суду было наплевать, наносим мы (редакция “Вече”) ущерб “безопасности государства” или нет. Ведь было совершенно очевидно, что мы стоим на твердых **ГОСУДАРСТВЕННИЧЕСКИХ** позициях. А суду вместе с КГБ было важно одно – разделяем мы интернационализм, нигилизм и русофобию марксизма или нет. Идеология их волновала, а не безопасность государства. Тогда бы и переименовали б себя в Комитет идеологической безопасности, в Комитет борьбы за воинствующее безбожие и русофобию. То-то они инкриминировали мне, помимо “антисоветской агитации и пропаганды”, еще и “пропаганду реакционных славянофильских и шовинистических взглядов”. Буквально так сформулировано в обвинительном заключении гебистов и в приговоре Владимирского облсуда от 26 сентября 1975 г.

Известный деятель патриотического движения писатель Л. И. Бородин в книге “Без выбора” отмечает: “Когда на повторном суде Владимира Осипова адвокат попытался зафиксировать прогосударственный, то есть патриотический, аспект его издательской деятельности, прокурор отмахнулся столь небрежно и презрительно, что не оставалось сомнений – понимание государственности как некой субстанциональной реалии у него отсутствует напрочь. Более того, всякое акцентирование на государственной идее как непреходящей ценности по определению враждебно идее коммунистической, ориентированной по высшему ее смыслу на космичность” (Бородин Л. И. Без выбора. Москва, “Молодая гвардия”, 2003, стр. 178).

Бородин подтверждает также все вышеприведенные оценки Андропова: “Сегодня для меня определено ясно, что именно Ю. Андропов – сознательно или нет, этого уже не узнать – продвинул прозападнический интеллектуальный слой на перспективные позиции, что известным образом сказалось на характере так называемой перестройки. Достаточно глянуть да послушать его, Андропова, бывшую “команду” – Арбатов, Бурлацкий, Бовин и прочие. Коммунисты? Антикommунисты? Да ничего подобного. Образцовая команда циников. Циники даже не прагматики, и если они у подножия власти – приговор социальной системе. Доказательства в истории” (Бородин, там же, стр. 161–162).

В сборнике “К не нашим” (Москва, 2006 г.) опубликована андроповская “Записка КГБ СССР в ЦК КПСС об антисоветской деятельности Иванова А. М. и Семанова С. Н.” от 28 марта 1981 г. с грифом “Совершенно секретно”. Как вспоминает С. Н. Семанов, “в записке сообщалось членам Политбюро, что

зловредные “русисты” привечаются в посольствах США, Италии, ФРГ и Канады. Четверть века миновало с тех пор, все вокруг нас изменилось, но могу поклясться, что ни разу в жизни в тех посольствах не побывал, даже не знаю, где они находятся (кроме американского, конечно)”. Андропов нагло лгал своим же соратникам по Политбюро насчет хождений Семанова по посольствам. При этом председатель КГБ точно знал, что Семанов – стойкий защитник существующего государства. Как оценить эту ложь, эту заведомую дезинформацию? Ведь Политбюро в понимании Андропова – это и была та власть, которой он служил, которой он присягал на верность. Давая своей же власти умышленно ложные сведения, он становился как глава спецслужб противником этой власти, заговорщиком.

С. Н. Семанов считает, что Андропов своей клеветнической запиской в Политбюро и другими действиями нанес сильнейший удар по русским патриотам. “Восстановить свои силы Русская партия не смогла вплоть до горбачевской “перестройки”. В 1991 году телевидение и подавляющая часть прессы оказались в руках сторонников лукавой “конвергенции”, космополитизма и расчленения Родины.

Итак, лица, объединившиеся вокруг журнала “Вече”, пытались на деле возродить духовные и нравственные основы нашего народа, отстоять русскую цивилизацию и культуру от натиска, сил разложения и хаоса, укрепить государственность. А возглавляемая Андроповым Госбезопасность (не вся, конечно, но значительная ее часть) стремилась, наоборот, погасить самобытность нашей духовности, искоренить “почвенничество”, то есть патриотизм государствообразующей нации, “слить”, в конечном счете, “социализм” с “капитализмом”.

“Интеллектуалы” Андропова проповедовали пресловутую конвергенцию, которая на словах означала сближение и слияние на основе взаимных уступок капитализма и социализма, западной общественной модели и советской, но на деле оказалась идейной ловушкой, капканом. Ныне советская модель, в том числе социально-экономическая система (включая, например, бесплатную медицину и бесплатное образование, умеренную плату за ЖКХ), полностью уничтожена и заменена **НАИХУДШИМ** вариантом капитализма. Несколько сотен американских советников (и сотрудников ЦРУ по совместительству) результативно “помогли” Гайдару и его сообщникам построить самый губительный, якобы “монетаристский” и якобы научно-обоснованный, но фактически криминально-компрадорский “капитализм”. Где, даже по официальным данным, более 40% народного хозяйства находится в “теневой” сфере. И где шпана дышит в затылок государству. Более смертоносного варианта не нашлось.

Так кто же из нас “антисоветчик”?